

В последние годы эпохи Синлин император, дряхлый и выживший из ума, полюбил после ужина прогуливаться по дворцу и беседовать с приближенными о пустяках, неизменно заканчивая разговор проникновенным признанием: После того как я отправлюсь в мир иной, именно ты унаследуешь великий престол.

Шло время, и среди знати в столице стало принято при встрече спрашивать друг друга: Ну что, ты уже взойшел на трон? — и отвечать с усмешкой: Если ты позволишь мне взойти, то я, пожалуй, соглашусь, а то ведь как-то неловко получается.

1. Ранняя весна

Двухсот шестидесятый год эпохи Синлин. Династия Тяньци пришла в упадок, император стар и лишился разума, наследник не назначен, в Восточном дворце пусто, власть разделили три ведомства, а четыре знатных рода погрязли в интригах. Демоническое племя окрепло и, затаившись на востоке в Дунчуане, с алчностью взирало на земли людей.

— В конце прошлого месяца от гарнизона восточных рубежей пришло известие: сотни демонов совершили ночной налет на пограничный город, грабя и убивая всех на своем пути. Их волчьи амбиции очевидны каждому. Великая война может вспыхнуть в любой момент, но, увы, аристократы и правящие роды не ведают страданий простого народа, утопая в роскоши и безудержном пиршестве! Сегодня вы — ученики академии, а завтра — надежда человечества. Страна оказалась на краю пропасти, горы и реки вот-вот падут, а судьба государства и каждой семьи теперь зависит лишь от вас!

Когда старый наставник закончил, в зале раздались редкие, вялые хлопки — словно стоны больного, не желающего расставаться с жизнью. В этой тишине отчетливо слышался шепот, источник которого было трудно определить.

— Почему это звучит так знакомо?

— О, младший брат, ты, должно быть, тоже завалил экзамены в прошлом году и пришел на пересдачу? Тогда все верно, каждый год вступительная речь одна и та же.

— Каждый год? Позвольте спросить, старший брат, сколько лет вы уже пытаетесь сдать?

— Стыдно признаться, три года проваливал, пошел четвертый.

Общительный ученик, игнорируя сочувствующие и полные восхищения взгляды окружающих, продолжал с невозмутимым видом:

— Каждый год кричат о войне, но я ни разу не видел, чтобы армия Дунчуаня покидала заставу Байсюэ. Зато нас исправно мучают этим курсом, который никто не может сдать.

— И не говори. Лучше бы уж воевали, тогда мы могли бы спокойно уехать домой на каникулы.

В послеобеденный час ранней весны мягкий солнечный свет проникал в учебный класс, в воздухе витал аромат цветущих груш вперемешку с запахом чернил и старых книг. В аудитории, рассевшись вразнобой, находилось человек семьдесят-восемьдесят. Двое делили один длинный стол и подставку для кистей, вокруг громоздились стопки книг и всякая всячина — теснота была невыносимая, но зато удобно перешептываться с соседями. Старик в длинном халате расхаживал по помосту, покачивая головой и что-то бормоча себе под нос, — в сочетании с теплым весенним ветерком и ласковым солнцем это действовало как лучшее снотворное. К тому времени, как он закончил третью главу, даже назойливая бродячая кошка у задней двери свернулась калачиком и уснула.

Три фигуры тихо проскользнули через заднюю дверь, намереваясь пробраться к пустым местам в последнем ряду.

— Хлоп! — старик ударил указкой по кафедре. Поднялась пыль, и казалось, что сами стропила здания содрогнулись. — Вы трое! Что творите? А ну стоять!

Все ученики в классе проснулись и дружно обернулись к задней двери.

Первой шла девушка: раскосые глаза, тонкие губы, высокий хвост, повязанный красной лентой, статная и гибкая фигура. Ушитая сине-белая форма академии подчеркивала тонкую талию, а за спиной крест-накрест были закреплены два длинных клинка, что придавало ей властный, почти пугающий вид.

Следом за ней шествовал юноша, похожий на избалованного аристократа: фарфоровая кожа, алые губы, томный взгляд, длинные волосы наполовину собраны в прическу. Под распахнутым халатом — пурпурный шелковый камзол, за поясом — тонкая золотая курительная трубка. Полы формы небрежно распахнуты. Он выглядел здесь так неуместно, что хотелось немедленно отправить его протрезветь в какой-нибудь увеселительный павильон.

На фоне этих двоих, ярких, как солнце и драгоценный камень, третий казался совершенно неприметным. Волосы аккуратно уложены, форма надета по всем правилам. Когда старик их окликнул, он лишь недоуменно приподнял брови с невинным видом.

— Почему опоздали? Если не назовете достойную причину, я докажу вам, почему меня называют самым строгим наставником академии! — Старик указал указкой на единственного из троих, кто выглядел хоть сколько-нибудь благоразумно. — Ты, говори!

Под прямыми взглядами всего класса он, как и ожидалось, с достоинством отвесил поклон:

— Наставник Янь...

— Моя фамилия Ли!

Ученики дружно расхохотались.

— Дело в том...

— Замолчать! Не хочу слушать оправдания! Опоздание есть опоздание. Как вас зовут?

Понимая, что лучше уж опоздать, чем получить отметку о прогуле, девушка с клинками, легкомысленный юноша и прилежный студент по очереди назвали:

— Сюй Жань из Академии Циншань.

— Гу Сюэцзян из Павильона Чуньбо.

— Чэн Цяньжэнь из заднего двора Наньшань.

Как только прозвучало первое имя, по залу пронесся дружный вздох изумления — на остальных двоих уже никто не обратил внимания.

— Ого! Это же сама старшая Сюй! Воистину, лучше один раз увидеть.

— Что делать, я так волнуюсь! Может, уступить ей место?

Наставник Ли, рвя на себе волосы, сошел с кафедры и принялся колотить указкой по столам первых рядов:

— Что за шум! Соблюдать тишину! Вы меня разочаровываете! Посмотрите на себя — если завтра нападут демоны, как вы собираетесь защищать страну?! Надежда человечества погибнет в ваших руках!

Троица воспользовалась моментом и пробралась на свои места. Девушка, которую назвали старшей Сюй, ткнула соседа в бок:

— Что происходит? Как будто если бы мы не опоздали, армия Дунчуаня тут же ворвалась бы в Снежные земли и пленила Великого Князя Демонов... С каких пор мы стали такими важными?

Чэн Цяньжэнь еще не успел усмехнуться, как Гу Сюэцзян взял со стола новую книгу и полистал ее:

— Почему именно этот курс? Я же просил тебя записаться на Основы поддержания здоровья и Ци.

Сюй Жань изобразила жест выхватывания клинка, заставив окружающих испуганно отвернуться, и пояснила:

— Там мест не было. Я посмотрела — и там, и там по шесть иероглифов, одно Основы, другое Введение, подумала, что примерно одно и то же.

— Шесть иероглифов? Ты вообще читать умеешь?! По тому курсу нет домашних заданий, посещаемость не проверяют, а в конце года достаточно просто написать свое имя на экзаменационном листе. А здесь за каждое опоздание снимают двадцать баллов, а если зашел через заднюю дверь — еще двадцать!

Чэн Цяньжэнь, сидя между ними, потер переносицу:

— Подождите, позвольте спросить: какой проходной балл?

— Шестьдесят.

Чэн Цяньжэнь наконец осознал всю серьезность ситуации:

— Ого, новый год — новые сюрпризы. Только начался семестр, а мы уже провалили предмет. Захватывающе.

Сюй Жань серьезно принялась загибать пальцы:

— Почему провалили? Всего сто баллов, мы потеряли сорок, осталось шестьдесят. Как раз проходной.

Гу Сюэцзян уже не мог вымолвить ни слова, с тоской глядя в окно. Чэн Цяньжэнь по-доброму пояснил:

— Ты уверена, что сможешь написать экзамен на полный балл?

Сюй Жань моргнула своими большими глазами:

— Нет... То есть мы действительно влипли?

Гу Сюэцзян лениво откинулся на спинку стула:

— Именно так. Поздравляю, тупица.

— Кого ты назвала тупицей?

— Кого назвала, тот и понял!

Слово тупица они подцепили от Чэн Цяньжэня на прошлой неделе и теперь всю использовали, хотя в глазах Чэн Цяньжэня это выглядело как перепалка младшеклассников. Он раскрыл книгу и достал из подставки кисть:

— Раз уж так вышло, какой смысл говорить об этом? Лучше сосредоточиться на настоящем. Есть вещи поважнее проваленного экзамена — что мы будем есть на обед?

Наставник Ли на кафедре задал похожий вопрос:

— На чем мы остановились?

В классе кто-то переписывал задание на следующий урок, кто-то пытался заигрывать с новенькой. Лишь студент в первом ряду, делавший записи, заглянул в тетрадь и прошептал:

— Вы — худший поток, который у меня был.

Старик снова грохнул указкой:

— Точно! Вы худший поток, который у меня был! ...Нет, подожди, прочитай предыдущую фразу.

Студент послушно прочел:

— Предыдущая фраза: Важность курса Основы военной теории намного превосходит все, что вы изучали в прошлом и будете изучать в будущем!

— Верно, студенты. Сейчас вы не осознаете важности этого, но в будущем горько об этом пожалеете.

Шел двухсот шестьдесят четвертый год эпохи Синлин, ранняя весна.

В ста тысячах ли отсюда на границе полыхали сигнальные огни, а в городе Наньян, в сердце континента, по-прежнему царили мир и покой. А спасители мира, о которых говорил наставник, были заняты прогулами, перепалками, списыванием заданий, шутками и вопросами о том, что поесть на обед.

2. Академия

В час Сы (девять утра) трижды ударил бронзовый колокол. Его гул разнесся по всей огромной академии, вызвав взрыв ликования. Студенты хлынули из аудиторий, с книжными коробами и мечами, превращая широкие проспекты и извилистые тропинки в людские реки, устремленные к четырем воротам академии.

Сине-белые одежды слились в одно целое, напоминая шумные волны.

Академия Наньюань — второе по значимости высшее учебное заведение на континенте, размером с город внутри города. Здесь строгие порядки, полеты на магических артефактах запрещены, и лишь старые наставники могут передвигаться в паланкинах.

Группе Чэн Цяньжэня нужно было пересечь почти всю академию, чтобы выйти через восточные ворота.

Весеннее солнце светило ярко, среди разбросанных повсюду учебных корпусов тянулись

извилистые галереи, за которыми начинали цвести персиковые деревья. Вдоль дорог из синего камня возвышались пышные софоры, под деревьями цвели редкие растения, бегали диковинные птицы. Но студенты, только что закончившие занятия, были слишком голодны, чтобы любоваться пейзажами.

Людской поток разделился у библиотеки, и спертый воздух наконец пришел в движение. Чэн Цяньжэнь только вздохнул с облегчением, как увидел, что у озера Тайе снова столпилась черная толпа. У берега пришвартовались лодки, дежурный старший ученик, подпрыгивая с длинным шестом, кричал:

— Задние, быстрее! Еще несколько человек поместятся! Заполняйте лодку и отплываем!

Троица бросилась бежать, пробилась сквозь толпу и запрыгнула на борт. В каюте не то что сесть — встать было негде, поэтому им пришлось стоять на корме под озерным ветром.

Около четырехсот лет назад академия потратила огромные средства, чтобы построить этот искусственный водоем для учеников, практикующих магию воды. Но теперь, когда духовная энергия на континенте оскудела, таких практиков стало мало, и озеро Тайе превратилось лишь в красивую декорацию.

Гу Сюэцзян, желая успокоиться, достал золотую трубку, поджег табак и глубоко затянулся. Чэн Цяньжэнь знал, что он терпеть не может толкучку, и сочувственно похлопал его по плечу:

— На следующей неделе встанем на полчаса раньше, чтобы избежать часа пик. Утром уж точно не опоздаем. А насчет обратного пути... летом здесь цветут лотосы, будем любоваться видами. Не бери в голову.

А что остается делать? Прыгать в озеро?

Гу Сюэцзян медленно выдохнул облако дыма:

— Наставник зануда, баллы снимает строго, идти далеко, класс неудобный, и так еще целый год... Отличный же предмет мы выбрали.

Сюй Жань тут же вспыхнула:

— Гу Второй, ты можешь заткнуться? Что ты ноешь, как баба? Сама бы пошла и выбрала!

Ее боевая аура непроизвольно вырвалась наружу, окружающие поспешно отодвинулись, вжимаясь вглубь каюты — казалось, они боялись, что она сейчас выхватит клинок и перевернет лодку. Вокруг них стало просторнее.

— Там сзади не собираются драться?

— Та девушка очень грозная, кто это?

— Судя по эмблеме, боевой практик из Академии Циншань.

Гу Сюэцзян усмехнулся. Чэн Цяньжэнь понял, что дело плохо, и попытался вмешаться, но не успел. С небес, казалось, решили, что сегодня Гу не суждено никого задеть: раздался всплеск, и с озера поднялась стена воды, обрушившись на корму и окатив Гу Сюэцзяна с ног до головы.

— Что за дела, дождь?!

— Кто плещется?!

Все были ошарашены. Оглянувшись, они увидели пять или шесть фигур, пролетающих над водой, словно испуганные птицы, и мгновенно скрывшихся вдали. За ними гнались семеро или восьмеро стражей порядка в черной форме. Они бежали по воде, используя технику легкости, и кричали:

— Кто из какой академии, стоять! Последнее предупреждение! Спуститесь с мечей, здесь летать нельзя!

Студенты на других лодках тоже сгрудились, наблюдая за представлением. Кто-то улюлюкал, кто-то ругался. Белая цапля, прогуливавшаяся по островку посреди озера, в испуге взмыла в небо.

Гу Сюэцзян так и застыл с трубкой в руке, весь мокрый, с волос капала вода. Мимо пронеслись еще несколько стражей, снова обдав его брызгами. Чэн Цяньжэнь, стоявший рядом, намок лишь подол.

Сюй Жань, чьи движения были быстрыми, увернулась так ловко, что даже штанины остались сухими. Она рассмеялась, глядя на удаляющиеся фигуры:

— Новички-боевики этого года? Младшие братья полны энергии!

Когда они наконец вышли из академии, было уже за полдень. К тому времени, как они добрались до дома Чэн Цяньжэня, время перевалило за два часа дня. Уличные торговцы сворачивали лавки, соседи, болтавшие в переулке, расходились по домам на послеобеденный сон.

Чэн Цяньжэнь жил в восточном районе Наньяна, на семнадцатой улице Люянь. Улица была старой, не такой роскошной, как на севере, где жили богачи, и не такой оживленной, как на юге с его трактирами и увеселительными заведениями. Зато здесь было тихо, зелено, слышалось пение птиц. А главное — за задним двором проходила тропинка, по которой до восточных ворот академии было всего полчаса ходьбы. В этом плане он искренне завидовал Сюй Жань и Гу Сюэцзяну, жившим на новых улицах.

Деревянная калитка заднего двора была приоткрыта, у входа стоял мальчик. Тонкий, с глубоким взглядом, волосы собраны деревянной заколкой. Несмотря на простую одежду из грубой ткани, от него веяло благородством, не тронутым мирской суетой. Увидев Чэн Цяньжэня, он издали позвал: Брат.

В тени переулка сквозняк принес весеннюю прохладу, и отстраненно-бледное лицо ребенка показалось еще холоднее. Сюй Жань и Гу Сюэцзян не знали почему, но эта картина почему-то вызывала у них озноб. Лишь Чэн Цяньжэнь, ничего не заметив, улыбнулся: Сяо Лю.

И ребенок тоже улыбнулся. Стоило ему улыбнуться, как вся его холодность исчезла, остались лишь ясные глаза, похожие на спокойную осеннюю воду.

3. Обед

Чэн Чжулю проводил их в дом:

— Почему сегодня так поздно? Что-то случилось?

Чэн Цяньжэнь потрепал его по волосам:

— Ничего страшного. Наставник задержал, а потом мы зашли к Гу Второму, чтобы он переоделся, вот и провозились.

Дом Чэн Цяньжэня был небольшим — всего четыре комнаты, включая кухню, но двор был просторным. Под старой софой стоял не новый, но крепкий стол с четырьмя скамьями. Еда грелась на плите, Чэн Чжулю пошел накрывать на стол, а двое гостей привычно отправились на кухню помогать.

Чэн Цяньжэнь чинно сел на скамью, словно глава семьи:

— Начинаем.

Четверо человек, как обычно: одно холодное блюдо и три горячих. Салат из огурцов для аппетита, баклажаны в красном соусе, свиная рулька в желе и рыба в укусном соусе по-сихуски. Гу Сюэцзян рульку не ел, но Сюй Жань в одиночку могла съесть половину блюда, а потом попросить еще две порции риса. В этом плане он всегда чувствовал себя обделенным, ведь платили они за еду поровну.

В прошлом году, когда Чэн Цяньжэнь пригласил их на праздник и они попробовали стряпню его младшего брата, они настояли на том, чтобы присоединиться к их общему столу, внося по два ляна серебра в месяц. Это было вкуснее, чем в столовой академии, тише, чем на улице, и дешевле, чем в ресторанах — почему бы и нет?

Неизвестно, когда это началось, но Гу Сюэцзян, который всегда следовал правилу не разговаривать во время еды, тоже втянулся в беседы. Обычно обсуждали учебу, шутки наставников, иногда делились вопросами.

Сегодня после обеда занятий не было, времени хватало, и после еды Чэн Цяньжэнь заварил чай.

Сюй Жань начала размахивать палочками:

— Мой прием Полет птицы в лесу — это удар обратным хватом, снизу вверх, быстрый и жестокий. Но на мгновение открывается уязвимое место, и если не поразить цель с первого раза, это очень опасно. Раньше я думала, что мне просто не хватает практики, но за два месяца никакого прогресса. Даже если в Пурпурном Дворце полно Истинной Ци, удар все равно недостаточно быстрый, а точка Жэньдин постоянно ноет. У меня предчувствие, что это и есть тот барьер, который мешает мне достичь Завершения стадии Очищения Ци.

Гу Сюэцзян, пуская дым из трубки, лениво произнес:

— Что сказал наставник по технике клинка?

— Он прочитал три главы из Тайшан: Ощущение Ци и показал пару приемов. Я ничего не поняла.

Гу Сюэцзян кончиком палочки, смоченной в чае, нарисовал на столе перекрещивающиеся линии, напоминающие фигуру человека.

— Как я и говорил в прошлый раз, в твоём меридиане Чуншэнь слишком много примесей, они замедляют движение Истинной Ци. Меридиан Тайсьюй чист, но слишком узкий, в нём мало ёмкости. — Он указал палочкой на узел: — Вот твоё точка Жэньдин, здесь соединяются оба проблемных меридиана. Как ты можешь быть быстрой?

В такие моменты Чэн Цяньжэнь всегда подтягивал Чэн Чжюлю слушать, подливая чаю Гу Сюэцзяну.

Гу Сюэцзян удовлетворенно пригубил чай:

— Такие проблемы не решаются бесконечными тренировками. Либо после выпуска найдешь сильного наставника, чтобы он прочистил твой меридиан Тайсьюй, либо, когда появятся деньги, купишь Пилюлю Сяньби — и все примеси исчезнут.

— Если я не достигну Завершения Очищения Ци до выпуска, какая секта меня примет? А покупка пилюли — это вообще мечты.

— Чего спешить? Просто обойди меридиан Чуншэнь. — Сюй Жань хотела возразить, но Гу Сюэцзян сделал знак молчать и быстро начертил на столе новые линии, усложнив рисунок: — Смотри сюда. В этих вспомогательных меридианах почти нет примесей, скорость точно будет выше. Проблема лишь в малом объёме, поэтому нужно задействовать больше точек, чтобы восполнять Ци, и одновременно черпать энергию из шести вспомогательных меридианов, тогда этого будет более чем достаточно, чтобы заменить один основной.

— Если много тренироваться, это будет быстрее, чем через меридиан Чуншэнь.

Сюй Жань осенило:

— Оказывается, можно обойти... Но задействовать их одновременно очень сложно.

Гу Сюэцзян отложил палочки и взял трубку:

— По крайней мере, это можно сделать упорством, это проще, чем чистить меридианы. Капля камень точит. Когда мастерство достигнет предела, барьер рухнет, и Завершение Очищения Ци будет достигнуто.

Сюй Жань, задумчиво глядя на линии, кивнула. Она не спрашивала, почему человек, не имеющий культивации и изучающий лишь Записки о вещах мира, так хорошо разбирается в практике, объясняя все понятнее, чем наставники академии. Возможно, она задумывалась об этом, но никогда не спрашивала.

Вдруг она что-то вспомнила, вскочила и направилась к выходу.

Чэн Цяньжэнь крикнул:

— Ты куда? Сегодня твоя очередь мыть посуду!

— Сегодня первое число, мне пора идти собирать дань. Пусть Гу Второй подменит меня, завтра я помою.

Гу Сюэцзян не хотел соглашаться, но дань, которую собирала Сюй Жань, была их основным общим доходом, поэтому он обреченно махнул рукой:

— Иди, иди, старшая Сюй.

Копейка рубль бережет. Легкомысленный юноша засучил рукава и принялся за посуду.

Чэн Цяньжэнь потрепал Чэн Чжулю по голове:

— В следующий раз, если я вернусь поздно, обязательно ешь без меня. Ты растешь, нужно есть вовремя.

Ребенок послушно ответил:

— Брат, я понял.

Но Чэн Цяньжэнь знал, что в следующий раз Чжулю все равно будет его ждать. Сколько ни говори, не переубедить.

— Ладно, иди поспи.

Рассудительный Чэн Чжюлю встал и пошел в свою комнату. Прежде чем закрыть дверь, он услышал вздох брата.

Когда шум утих, во дворе остались двое. Чэн Цяньжэнь наблюдал, как Гу Сюэцзян набирает воду у колодца, и вспомнил, как встретил его впервые.

Тогда Гу Сюэцзян был одет в шелка, ездил на породистом коне, а за ним следовали два слуги: один подавал чай и еду, другой разминал плечи и ноги. Стоило ему появиться на Цветочной улице, как все девушки наперебой пытались обмахнуть его веером. Не то что мыть посуду — он даже рыбные косточки вынимать не умел. По сути, был полуинвалидом, не приспособленным к жизни.

Даже когда позже он потратил все деньги, слуги сбежали, а он стал обедать у Чэн Цяньжэня, он все равно приносил с собой свой набор посуды, откладывал еду и до и после еды полоскал рот чаем.

<http://bllate.org/book/21041/2140647>